




К МОЕМУ ЧИТАТЕЛЮ

Работая всю жизнь художником-реставратором и одновременно занимаясь популяризацией этого редкого, сложного, интересного труда, я никогда раньше не тяготел к мемуарному жанру. В книгах, статьях, телепередачах рассказывал о свежих, только что состоявшихся открытиях, выставках, научных дискуссиях. Но, видно, всему своё время. Годы, а главное болезнь, на несколько лет прервавшая моё общение с миром, заставили сосредоточиться на прошедшем и по-новому вспомнить тех, с кем благодаря профессии художника-реставратора довелось работать, дружить, иногда — конфликтовать. Люди это были замечательные, уникальные. Правда, кому-то они сегодня покажутся странными чужаками, но я-то рассчитываю, что меня будут читать люди, заинтересованные тем делом, которому посвятили себя герои этой книги. Для них главным в жизни стало сохранение памятников, традиций народа, а значит — сбережение его памяти.

Пожалуй, нет такого места, связанного с развитием древнерусской архитектуры, иконописи, литературы, где бы я ни побывал. Причем побывал не наскоком. Многие месяцы и годы прошли в работе с иконами, русскими портретами XVII—XIX веков в музейных собраниях Вологды, Петрозаводска, Костромы, Ярославля, Ростова, Переславля Залесского, Смоленска... Трудясь реставратором, я обычно только треть года проводил в Москве, всё остальное время — экспедиции, походный быт, ночёвки в палатках, домах-вагончиках, а случалось, и в крестьянских избах. Теперь уже знаю точно, что лучшее время жизни прошло в деревне Ерсиёво, в доме плотника Бориса Федорови-





ча Елупова, любовно и как-то очень просто сохранявшего руко-
творные жемчужины Кижей.

Там, в тихих деревнях и древних городах провинциальной
России, я открывал для себя, какой он — подлинный патрио-
тизм, и начинал постигать мудрую философию народной жизни.

Я, выросший в бараке на Павелецкой набережной, лишён-
ный наставничества погибшего в войну отца, опекаемый ба-
бушкой, ибо мама с утра до вечера трудилась, чтобы не умер-
ли мы с братом с голоду, сам занимался своим образованием
и устройством в жизни. Мне бесконечно повезло на встречи с
уникальными людьми, начиная с университетских профессо-
ров и кончая выдающимися спортсменами, сотрудниками про-
винциальных музеев, одарёнейшими реставраторами, плотни-
ками, сохранявшими сокровища Кижей, блестящими русскими
офицерами, кинооператорами, писателями и просто одарённы-
ми натурами.


В политической науке я не сильно подкован, с диаматом
и истматом в университете не «дружил», хотя основные мар-
ксистские труды изучил. На веру принять их постулаты не мог,
ибо я из старообрядцев и незаконно раскулаченных. Большин-
ство родичей сгинуло вдали от родимых мест. Дед по матери
сидел и умер в селе Шушенском. До сих пор храню его пись-
ма с обратным адресом, который ранее помечал на своих кон-
вертах вождь революции. Всё, чем мне довелось заниматься в
жизни — реставрация, искусствоведение, телевидение и прес-
са, — было не благодаря, а вопреки. Известную балерину спро-
сили: как-то стимулировала ли её творчество закулисная борь-
ба? Недолго думая, она ответила, что иногда травля заставляла
мобилизоваться, но лучше бы грязных склок не было. А мне всё
время приходилось собачиться с министерскими чиновниками
и дураками, приставленными к нашему делу. Каждое открытие,
выставка, каталог, альбом, книга давались с кровью. Некото-
рые полупрезрительно называли меня везунчиком. Если и вез-
ло мне в работе, то исключительно по воле Божией. Наряду с
тупоголовыми начальниками, довелось мне в те времена встре-



тить редкостных людей. Прежде всего университетские учителя помогли мальчишке из бараков найти своё место в науке, а значит, и в жизни. В.М. Василенко, В.И. Лазарев, В.В. Павлов, Е.А. Некрасова, В.В. Филатов не только открыли передо мной мир прекрасного, но и научили родное Отечество любить. А Николай Петрович Сычёв, отправленный на 20 лет в ГУЛАГ с поста директора Русского музея, ещё до революции входивший в золотую плеяду русских учёных, целых семь лет занимался со мною в маленькой квартирке на Чистых Прудах. Во Пскове его первый ученик Л.А. Творогов, прошедший с наставником каторжный путь, многие годы являл мне пример мужества и преданности любимому делу. Родившийся инвалидом, обречённый на неподвижность, он до 83 лет оставался героем, которому любой кадет из «Сибирского цирюльника» в ноги поклониться должен. Он создал во Пскове первую в мире библиотеку из библиотек: от рукописей XII века из Мирожского монастыря до книжных собраний Ганнибалов, Яхонтовых, Назимовых, Блоков и других псковских семей. Американские и английские слависты восторгались его немногочисленными статьями, а в местном музее, да и в Пушкинском Доме зачастую посмеивались над странным калекой, играющим на костылях в волейбол и кормящим из скудной полочки десятки собак и стаи голубей. Во Пскове же встретил я Л.Н. Гумилёва, приехавшего к здешним кузнецам заказывать крест на могилу матери. Встретил, подружился и до последних дней талантливейшего ученого и замечательного человека окормлялся от щедрот его. А сколько мне богатств подарили годы общения с К.Я. Голейзовским — прекрасным художником, учеником М.А. Врубеля и В.А. Серова, основоположником современного балета, как его именуют мировые словари хореографии. В той эпохе было немало людей высокой культуры и истинной интеллигентности.

Реставрацией икон я занимался целых двадцать лет. Это были самые счастливые годы. Будучи человеком глубоко верующим, я никогда не перестану славить подвиги таких подвижников музейного и реставрационного дела, как семья Федыши-





ных в Вологде, Л.А. Творогова и Ю.П. Спегальского во Пскове, П.Д. Барановского, Н.П. Сычёва, Н.Н. Померанцева, жизни не щадивших во имя спасения духовного наследия Отечества.

Когда говорят, что музеи отнимали у церквей иконы, мне больно: я-то знаю, что такое труд музейщика. За нищенскую зарплату в течение семи десятилетий именно музейщики сохраняли наше духовное наследие, и очень многие при этом рисковали не только своей свободой, но и жизнью в буквальном смысле слова. Вспомним Барановского, который за свои убеждения реставратора пошёл в тюрьму. Но не надо забывать, что и духовенство тоже страдало — и в тюрьмах, и в лагерях. И больно, когда пытаются противопоставлять сегодня труд одних и веру других.

Я родился в Москве, но, наверное, давно бы сошёл с круга, если бы не проводил большую часть времени во Пскове, Петрозаводске, Кижях. Что такое Москва? Это конгломерат. Была бы она штатным тихим городом, если бы не деловые ярославцы да костромичи, которые ещё в позапрошлом веке приспособили её для себя. Провинция — это чистота духовной жизни, которая всегда питала меня.

Трагичность нашей демократической ситуации в том, что каждый лишь думает, как бы побольше урвать, — и в столицах это захватило всех, а провинция сопротивляется этому, российская глубинка осознала, что без заботы о культуре мы просто погибнем. Да, я всегда с особым удовольствием еду и в Вологду, и в Новгород, и в Кострому, и, конечно, в Ярославль. Это спасительные оазисы после Москвы. В Москве царят мразь и запустение. Да и в Петербурге то же самое. К счастью, это не коснулось пока провинции. Москва и Петербург усиленно разлагают культуру. Провинция ей — мать, а столица — мачеха.


Затворничество последних лет открыло мои глаза на друзей истинных и случайных, относившихся ко мне потребительски, а иногда под личиной приятельства таивших зависть и даже злобу. Бог им судья, но уже сейчас видно, во что превращаются нередко одаренные от природы люди, лавируя меж-



ду правдой и ложью, попирая принципы порядочности и честности и забывая время от времени перечитывать провидческие страницы гоголевского «Портрета».

Истинных друзей осталось немного, но мал золотник, да дорог. Постоянно я ощущал заботу и внимание со стороны коллег по работе в Институте реставрации, да и служащих в других реставрационных учреждениях; ни на минуту не оставлял меня без внимания Валентин Лазуткин, один из тех, на ком держалось и держится отечественное телевидение. Трогательность и деликатность уроженца тёплой, благодатной Рязанщины помогала мне преодолевать тяжелые периоды полного отчаяния. Поддерживал меня своим сибирским духом и пониманием ситуации замечательный русский писатель Валентин Распутин, а его публицистические выступления и наши беседы о судьбах родной земли надолго отвлекали меня от повседневного уныния. Присылая книги с тёплыми автографами и советами, как надо лечиться травами, Виктор Петрович Астафьев не давал мне расслабляться и потерять веру в силу мужской дружбы. Очень переживал я, когда любимый писатель, пойдя на поводу своего не всегда уравновешенного характера и запальчивости, дал повод «демократической черни» записать его к себе в единомышленники, перессорить с товарищами по перу и даже проглотить наживку с ворованными премиальными от березовского «Триумфа». Знаю, как тяжело и больно стало его раскаяние, о котором он говорил своему постоянному собеседнику и младшему товарищу Валентину Курбатову. Описывал, как снится ему часто В.Г. Распутин и всё, что связано с прошлым писательским братством.

А жизнь за окнами моей своеобразной тюрьмы-больницы продолжала стремительно скатываться всё глубже и глубже к вратам преисподней. Представители «второй древнейшей профессии» не уставали врать, причём ложь становилась всё цветистее по мере подкармливания её авторов вознаграждениями, зачастую превосходящими пенсионные бюджеты малых городов России. Особенно беззастенчивыми лгунами оказывались



политобозреватели и шоумены, когда в дом родной приходила беда или очередная катастрофа заставляла вздрогнуть от беспощадности карающего нас меча...

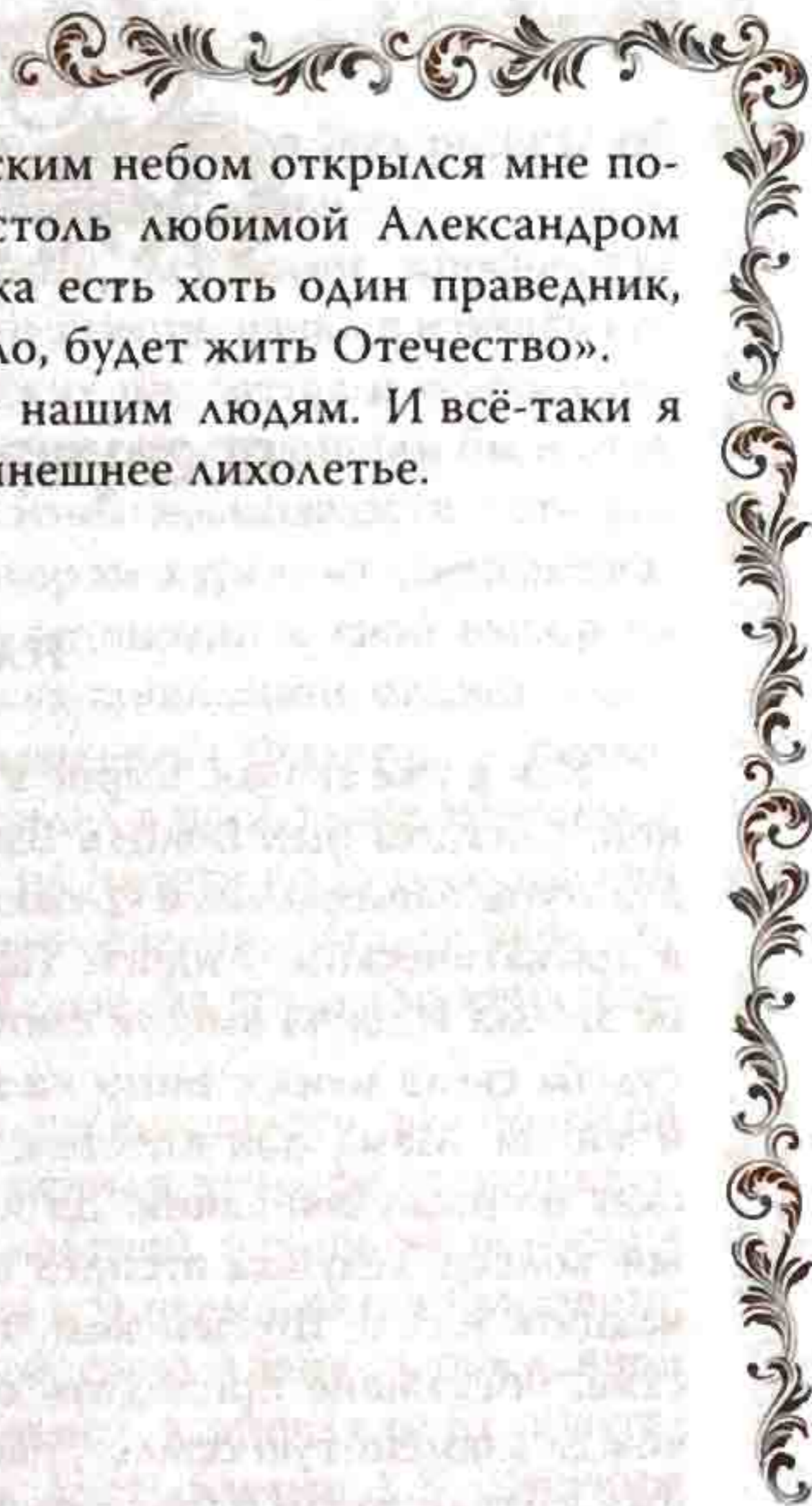
Когда впервые после болезни наконец-то снова увидел Псков, какую же радость подарил мне город! Оказалось, мои опасения беспочвенны: Псков и в это тяжелое, полное противоречий время не утратил самобытности, неповторимого характера, творческой силы.

В художественном музее Наталья Ткачёва и её соратники на самом высоком профессиональном уровне реставрируют иконы. В Спасо-Мирожском монастыре москвич Владимир Сарабьянов совершил поистине чудо — восстановил древнейшие фрески, которые мы, признаться, считали загубленными реставрацией XIX века. Лет десять я не видел результатов труда своего младшего коллеги и был буквально потрясен тем, как много может сделать один человек, если он так предан своей работе.

На псковской земле творит замечательный иконописец архимандрит Зинов. Здесь проводятся праздники классической музыки и выставки современной живописи. Типография, раньше печатавшая несколько газеток, сегодня выпускает книги и альбомы, не уступающие образцам итальянской полиграфии.

Надышавшись воздухом Псковского края, кто осмелится утверждать, что духовная элита общества обитает исключительно в столицах?! Совсем не случайно Петербургская Академия художеств, одна из лучших кузниц кадров реставраторов, каждое лето направляет своих студентов на практику именно во Псков. Они здесь совершенствуются в профессии, а заодно получают бесценные жизненные уроки. Преподаватели знаменитого вуза даже прикупили деревеньку под Изборском и уже построили здесь часовню в память основательницы Пскова княгини Ольги.

Я был в деревне Олохово на Ольгин день, 24 июля. Старый батюшка, приглашённый из одной из печорских церквей, служил прямо на улице, перед часовней — всех пришедших она не вместила бы. В эти светлые, высокие мгновения, под этим един-



ственным в мире неярким псковским небом открылся мне по-настоящему смысла пословицы, столь любимой Александром Исаевичем Солженицыным: «Пока есть хоть один праведник, не умрёт село, а пока не умрёт село, будет жить Отечество».

Трудно, беспокойно живётся нашим людям. И всё-таки я убежден в том, что переживём нынешнее лихолетье.